

ЗНАМЯ ЧУЧХЕ НАД ШЕСТЫМ КОНТИНЕНТОМ

В 2025 году отмечается 35-летие Антарктических экспедиций, организованных Корейской Народно-Демократической Республикой. В ходе этих походов на Ледяной континент ученые из КНДР рука об руку трудились со своими советскими коллегами, проводя исследования в области изучения климата, полярных сияний и геологического строения района Холмов Ларсманн и оазиса Терешковой. Несмотря на далеко идущие планы продолжения научных исследований северокорейская программа изучения Антарктиды завершилась вместе с распадом СССР. Долгое время о тех событиях практически ничего не было известно, и лишь в последнее время появились исследования, в которых раскрывается ход экспедиций.

На протяжении долгого времени сведения об Антарктиде в КНДР распространялись или в виде небольших публикаций в научно-популярных журналах, или в художественных произведениях, написанных в популярном в корейской литературе жанре научной фантастики. Так, детский журнал «Ури тонму» в 1967 году сообщал юным читателям, что даже в самом теплом месяце января на континенте так же холодно, как на горе Пэктусан бывает один раз в несколько лет ($-30-40^{\circ}\text{C}$), а зимой в августе бывает и в 2–3 раза холоднее, чем в Корее ($-80-90^{\circ}\text{C}$), что ночи продолжают по полгода, а тысячелетние ледники достигают до 4 км толщины. Отдельно автор рассказал о сильнейших антарктических ветрах, которые сдвигают ледяные глыбы размером с дом, и богатейших ресурсах континента (уголь, нефть, железо, золото, серебро, медь и свинец). Но также автор допускал и многочисленные ошибки, сообщая, например, что на шестом континенте отсутствуют горы, поля и реки, так как все замерзло, или что в Антарктиде из-за сильных ветров не живут никакие звери, птицы (кроме пингвинов, живущих в водах вокруг континента) и насекомые, отсутствует растительность. Из интересных фактов сообщалось: «Пингвины любят пение. Достаточно пойти в то место, где их много, и начать петь, и пингвинов соберется огромное множество. Кроме того, моря вокруг Антарктиды известны своим большим количеством китов. Здесь есть киты, которые достигают длиной до 150 метров (тоже ошибка. — В.Б.). Такие киты могут весить несколько сотен тонн».

В художественной литературе КНДР Антарктида ярко описывалась в увлекательном научно-фантастическом романе «Шестидесятисемилетний мальчик», рассказы-вающим о вымышленной корейской научной экспедиции под руководством Чхан Хёка. В ходе повествования к экспедиции присоединился главный герой книги по имени Ли Сон Гю. Это был парень, которому на вид было всего 17 лет, и он, «с аккуратно зачесанными полумесяцем волосами и темными, нежными, как у девушки, глазами», сначала показался начальнику «безжизненным цветком, выращенным в теплице», поэтому Чхан Хёк отнесся к нему с пренебрежением. В ходе экспедиции Чхан Хёк узнал, что Ли Сон Гю уже участвовал в антарктической экспедиции, происходившей 50 лет назад. Тогда он пропал без вести и в состоянии искусственного сна провел 50 лет

подо льдами Антарктики. Доктор экспедиции Чон Хи сумел установить с заснувшим юношей «мозговую связь» и организовал операцию по спасению погребенного подо льдами юноши, которому на самом деле оказалось 67 лет!

Однако в связи с активным вовлечением в антарктические исследования стран Восточной Азии политическим руководством страны было решено, что для поддержания престижа на внешней арене КНДР также должна присоединиться к исследованиям Антарктики. Инициатива организации экспедиций исходила от руководства республики — решение об отправке на шестой континент научной группы принималось на рубеже 1980–1990-х годов лично президентом Ким Ир Сеном и его официальным преемником Ким Чен Иром. 21 января 1987 года КНДР присоединилась к Договору об Антарктике, получив свободу проведения научных исследований на континенте и взяв на себя обязательства не участвовать в военных маневрах, строительстве военных объектов и использовании вооружения.

В январе 1990 года был сформирован состав 1-й Северокорейской антарктической экспедиции (далее — СКАЭ). Начальником 1-й СКАЭ был назначен заместитель начальника Управления Гидрометеорологической службы (далее — УГМС) Чан Ги Бон (в советских документах Зан Ги Бонг).

По воспоминаниям участника 35-й САЭ М.Р. Галкина, в составе экспедиции было 6–7 человек, включая высокого рослого кинооператора и специалиста по проектированию. Корейские полярики прибыли на шестой континент из Ленинграда на НЭС «Академик Федоров» 4 мая 1990 года. Основной задачей участников 1-й СКАЭ, разместившихся на АМЦ Молодежная, был выбор места для организации базы. 7 мая 1990 года был организован специальный рекогносцировочный полет в оазисе Терешковой (90 км от Молодежной), в котором приняли участие корейские полярики и советский инженер А.З. Вайгачев. На выбранном в ходе рекогносцировки месте для основания станции в точке $67^{\circ}55'23''$ ю. ш. и $44^{\circ}32'10''$ в. д. была установлена табличка с надписью: «Первая антарктическая экспедиция КНДР». После выбора места специалист по проектированию составил эскиз будущей станции. По словам М.Р. Галкина, это было здание из трех уровней, похожее на чемпионский пьедестал, увенчанное памятником президенту Ким Ир Сёну.

Завершила работу 1-я СКАЭ предположительно 11 мая, и участники экспедиции вместе с советскими поляриками были эвакуированы на НЭС «Академик Федоров» и НЭС «Михаил Сомов». На следующий день Чан Ги Бон отправил благодарственную радиogramму на Молодежную.

2-я СКАЭ проходила в период с 17 декабря 1990 года по 21 августа 1991 года вновь под руководством Чан Ги Бона. В составе экспедиции было четыре человека: начальник, метеоролог, геолог и переводчик. Ученым предстояло провести исследования в области гляциологии, геологии, минералогии, изучать климат, полярные сияния, собрать коллекции антарктических минералов, растений и животных.



«Страна льда». Рассказ о Южном полюсе. 1967 год

С 11 декабря советские полярники начали готовить на АМЦ Молодежная домики и снаряжение для доставки к месту постройки корейской станции. 17 декабря 1990 года участники 2-й СКАЭ прибыли на вертолете на АМЦ Молодежная с борта НЭС «Академик Федоров». С 18 декабря советскими вертолетами проводилась доставка полезных грузов на определенное в ходе весенней разведки место организации станции в оазисе Терешковой. С Молодежной были доставлены оборудование, контейнер с продуктами и строительные материалы. До официального открытия базы было подготовлено три домика ПДКО. Интересно, что тамбуры домиков были сделаны из ящиков от сигнальных ракет. Полный перечень оборудования, передававшегося корейским полярникам, указан в Акте открытия сезонной базы:

«1. Служебно-жилой комплекс из трех домиков ПДКО общей площадью 36 м².

2. Дополнительно предоставленный домик ПДКО для хозяйственно-бытовых нужд.

3. Дизельная электростанция с двумя генераторами по 5 кВт каждый, а также резервный бензоагрегат на 1 кВт.



Гезёл-1. Общий вид базы. Из архива В.А. Винокурова

4. Комплекты основной и резервной радиоприемной и радиопередающей аппаратуры, включая два комплекта переносной УКВ-радиостанции.

5. Два комплекта метеоприборов для измерения параметров ветра, температуры и влажности воздуха, а также атмосферного давления.

6. Комплект геодезических инструментов.

7. Снегоход «Буран».

8. Запас дизтоплива, ГСМ на четыре месяца.

9. Запас продовольствия по нормам САЭ на четыре месяца.

Кроме того, для хранения продуктов и хозяйства имеются три контейнера, на базу доставлено некоторое количество стройматериалов для подсобных нужд».

Общая площадь полярной станции, по сообщению ЦТАК, составляла 157,6 кв.м.

Торжественное открытие состоялось 21 декабря 1990 года, о чем начальником 2-й СКАЭ Чан Ги Боном и начальником 35-й САЭ В. М. Пигузовым был подготовлен акт. Станция получила название Кечжоль-1, но в советских документах была записана, как Гезёл-1, и под этим названием она стала известна.

Начальником базы был назначен метеоролог Ли Су Я, который отлично владел русским языком, учился в советском вузе и защитил диссертацию. Второй корейский участник экспедиции, Хан Рён Хун, был научным сотрудником. Для участников экспедиции в Корею подготовили специальную климатическую одежду — куртки цвета хаки со своими опознавательными знаками

и с круглой нашивкой на плече с изображением карты Антарктиды. Но, по воспоминаниям М.Р. Галкина, свои комплекты одежды корейцы берегли и предпочитали носить выданные советские куртки и сапоги. Что касается обязательных для ношения значков с портретами Ким Ир Сена, то участники экспедиции их сдали, еще находясь в Корее, так как по пути в Антарктиду предстояло пройти через ряд недружественных стран.

Кроме корейцев в работе базы Гезёл-1 принимали участие и советские полярники Виталий Алексеевич Винокуров, ставший дублером начальника базы, заведующий радио Александр Иванович Гречушкин и врач Валерий Геннадьевич Тихонов. В отличие от корейцев, советские коллеги к декабрю 1990 года уже имели опыт работ в Антарктике: инженер ДЭС В.А. Винокуров уже принимал участие в 27-й, 30-й, 32-й САЭ на станции Молодежная, а В.Г. Тихонов работал главным врачом 35-й САЭ.

Обязанности между Ли Су Я и В.А. Винокуровым были распределены следующим образом: Ли должен был руководить именно научной работой экспедиции, а его дублер отвечал за общехозяйственные вопросы и технику безопасности.



Коллектив базы Гезёл-1. Хан Рён Хун, В.Г. Тихонов, Ли Су Я, В.А. Винокуров, сидит А.И. Гречушкин. Из архива В.А. Винокурова

На церемонии открытия был дан салют из ракетниц. Первыми выстрелили начальник станции Ли Су Я и его дублер В.А. Винокуров, после них стреляли остальные, передавая друг другу сигнальные пистолеты. Церемонию открытия Чан Ги Бон снимал на видеокамеру для создания документального фильма об экспедиции.

В центральном домике базы была оборудована кухня, где готовили на газовой плите. В двух боковыхдомиках располагались радиостанция и метеорологическая станция. Позднее личный состав станции установил и четвертый домик, где была оборудована душевая. Деревянные стены домиков полярники старались украсить, создать комфортную обстановку в ПДКО — на фотографиях видны различные плакаты, фотографии, физическая карта Корейского полуострова. Но и тут чувствуется дух эпохи перемен — на одной из стен была вывешена ироничная вырезка из «Огонька» с изображением джентльмена в строгом костюме, держащего в руках флаг США, с надписью: «Onward to the final victory of capitalism». Также на территории базы находились метеобудка, радиовышка и кузов универсальный нормального габарита (КУНГ).

Территория вокруг станции у оазиса Терешковой была очень живописной — по обеим сторонам ледники. Температура во время работы станции была плюсовая, поэтому в безымянном озере около станции врач В.Г. Тихонов даже купался, там же набирали воду.

22 декабря на станции подняли флаги КНДР и СССР.

С 28 декабря на станции начались регулярные метеонаблюдения. Сбором метеосведений занимался Ли

Су Я. Измерения проводились им каждый час, а по ночам раз в четыре часа (в 0 ч, 4 ч и 8 ч). Как отмечает В.А. Винокуров: «Мы считали, что он вообще человек герой! Ни один срок пропустить было нельзя, и так 109 суток». Хан Рён Хун в основном помогал начальнику, также выходил на геологоразведку местности. В ходе одного из таких походов он обнаружил японскую продовольственную подбазу.

Основной проблемой, с которой приходилось сталкиваться северокорейским полярникам, был сильный холодный ветер, его средняя скорость составляла 15–18 м/с. Происходили, конечно, и непредвиденные, чрезвычайные случаи, осложнявшие работу ученых КНДР. Так, Хан Рён Хун во время разведок несколько раз проваливался в ледяные ямы, что представляло серьезную опасность для жизни. В двадцатых числах февраля он пожаловался доктору В.Г. Тихонову на резкую зубную боль и воспаление десен. На счастье, поблизости оказался дизель-электроход «Наварин», с которого удалось вызвать вертолет для эвакуации Хана на Молодежную, где его прооперировал стоматолог А.Б. Сытов. После удачной операции научный сотрудник был возвращен на Гезёл.



Церемония открытия базы Гезёл-1. Из архива В.А. Винокурова

Что касается начальника 2-й СКАЭ Чан Ги Бона и переводчика экспедиции Кима (свободно владел несколькими языками), то они вскоре после открытия Гезёл-1 отправились на станцию Прогресс. По данным Л.М. Саватюгина, работа корейских ученых на Прогрессе, где они значились как геодезисты, датируется периодом с 17 декабря 1990 года по 7 января 1991 года. В память об их работе ими около станции был установлен металлический памятный знак с изображением флага КНДР и надписью на корейском и английском языках: «1990–1991 Вторая антарктическая экспедиция КНДР». После работ на полярной станции они приняли участие в плавании НЭС «Михаил Сомов» вокруг Антарктиды, а дальше перешли на Молодежную, где вновь соединились с Ли и Ханом после закрытия Гезёл-1.

1 апреля, завершив научные наблюдения, сотрудники 2-й СКАЭ начали готовиться к эвакуации, кроме того, резко усилились ветры, а Гезёл не был подготовлен для зимовочных работ. 8 апреля полярники, научное оборудование, радио- и метеоборудование, снегоход, собранные коллекции вертолетом с дизель-электрохода «Наварин» были доставлены на АМЦ Молодежная. Станция до сих пор стоит в законсервированном состоянии и является собственностью КНДР.

На Молодежной ученые продолжили трудиться в Бюро погоды, вели съемки документального фильма, обслуживали ЭВМ, участвовали в топографических и геологических работах. 21 августа корейские и группа советских полярников покинули АМЦ. Эвакуацию организовал и сам возглавил А.Н. Чилингаров. В условиях плохой погоды механики смогли подготовить взлетную

полосу, и Ил-76МД доставил всех в Кейптаун. На прощание советские полярники обменялись с корейскими товарищами памятными подарками. Чан Ги Бон преподнес Л.М. Саватюгину картину, вышитую шелком. Товарищи очень хотели однажды встретиться вновь и вспомнить совместные работы на ледяном континенте! В ЮАР корейские и советские ученые сели на НЭС «Академик Федоров» и уже 2 октября 1991 года прибыли в Ленинград.

По данным ЦТАК, уже весной 1990 года прорабатывался план организации 3-й СКАЭ, однако события, связанные с распадом СССР и последующим охлаждением двусторонних отношений, привели к тому, что антарктическая программа КНДР оказалась заморожена. Информация о тех событиях публиковалась лишь в КНДР и оставалась практически неизвестной за ее пределами, даже в Южной Корее (РК). Примечательно, что идея возобновить Северокорейскую антарктическую программу высказывалась южнокорейской стороной в 2015 году. Как отмечал руководитель Департамента стратегии будущего развития Корейского института полярных исследований (КОПРИ) Чин Дон Ми, совместные исследования с учеными из КНДР на южнокорейских антарктических станци-



Памятный знак у станции Прогресс. Из архива С.Ю. Тарасенко

ях, а также совместная работа ученых в трехстороннем формате КНДР–РК–РФ также станут важным шагом на пути нормализации двусторонних отношений между РК и КНДР: «Хорошо известно, что Антарктида является одним из символов мира. На этом континенте имеют право работать любые государства, а потому было бы глубоко символичным, если бы межкорейское сотрудничество было осуществлено и в том регионе. Мы готовы принять на наших базах ученых из КНДР, чтобы провести совместные исследования и наладить личные контакты... это будет в интересах как Юга, так и Севера, позволив сделать шаг в сторону улучшения межкорейских отношений [...] Антарктида — территория мира, а потому было бы символично на «ледяном континенте» для единственной разделенной нации, коей являются корейцы, вести работу в сторону объединения. Мы готовы разместить представителей КНДР у нас на базах — сначала на летний период. Затем, если окажется, что полярники Юга и Севера находят общий язык, можно было провести и совместную зимовку. Если северянам сложно пойти на это, то можно, чтобы они были на российской базе, а к нам приходили для совместных исследований вместе с учеными из РФ». Но данный проект так и остался нереализованным.

Автор выражает признательность за предоставленные воспоминания и фотографии для написания данной статьи участникам 35-й и 36-й САЭ Л.М. Саватюгину, В.А. Винокурову, В.Г. Тихонову и М.Р. Галкину, а также С.Ю. Тарасенко за фотографию памятного знака.

В.Л. Бронников (ФММО «Ледокол «Красин»»)